

Стрелецкий В.Н.

**КОНЦЕПТ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА
В МИРОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ:
НАУЧНЫЕ ИСТОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹**

*Институт географии РАН, Российско-германский
учебно-научный центр Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ), Российский университет
дружбы народов (РУДН), Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), Россия, Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются становление и эволюция представлений о культурном ландшафте в мировой культурной географии. Проведен сравнительный анализ ведущих национальных школ культурно-ландшафтных исследований: англо-американской, французской, немецкой и российской. Большое внимание уделено переосмыслению концепта культурного ландшафта в мировой географической науке в конце XX – начале XXI в., а также междисциплинарным связям между культурной географией и смежными, как географическими, так и социогуманитарными, науками.

Ключевые слова: культурная география; культурный ландшафт; культурный поворот в географии; пространство и место; феноменология.

Поступила: 06.09.2018

Принята к печати: 20.09.2018

¹ © В.Н. Стрелецкий, 2019

Streletsky V.N.

**Concept of cultural landscape in cultural geography:
Scientific background and contemporary interpretations**

*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russian-German
Educational and Research Center of the Russian State Humanitarian
University (RSUH), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
Lomonosov Moscow State University (MSU),
Russia, Moscow*

Abstract. The paper describes the historical background and evolutionary trends of the concept of cultural landscape in the world cultural geography. It provides a comparative analysis of research into the cultural landscape conducted by the leading national scientific schools; the Anglo-Saxon (British and American), French, German and Russian scientific geographical national traditions are chosen as case studies. The paper describes the cultural turn in the world human geography and its consequences for re-thinking the cultural landscape phenomenon. It also reveals the interdisciplinary links between cultural geography, other geographical and social sciences and the humanities.

Keywords: cultural geography; cultural landscape; cultural turn in geography; space and place, phenomenology.

Received: 06.09.2018

Accepted: 20.09.2018

Введение

Ландшафтная традиция – одна из самых давних и почтенных в географии. Концепция ландшафта сыграла воистину выдающуюся роль в развитии и географической науки в целом, и, в особенности, комплексной физической географии и частных физико-географических дисциплин. Но ландшафтный исследовательский подход получил широчайшее распространение и в географии человека (в мировой *Human Geography*¹, как она именуется в англоязычной традиции), т.е. в обществоведческой «ветви» географической науки. Ее развитие на протяжении уже многих десятилетий характеризуется отчетливо выраженным «культурным поворотом» (*cultural turn*); культурно-географическая проблематика занимает

¹ В нашей стране нет общепризнанного термина – аналога *human geography* (нем. *Humangeographie*, франц. *géographie humaine*) – для обозначения всей обществоведческой ветви географической науки; в частности, используются термины *социально-экономическая география* (в его широкой трактовке), *общественная география* и др.

все более важное место в научных исследованиях, а сама культурная география, зародившаяся в недрах еще классической антропогеографии, выросла в одно из ведущих и мощнейших направлений современной мировой географической науки. Ландшафт как предметная и осязаемая среда человеческого бытия не может быть осознан и осмыслен вне культурного контекста, связь ландшафта и культуры фундаментальна и неразрывна. И не случайно именно концепт¹ *культурного ландшафта* является одним из самых востребованных и продуктивных в культурной географии.

Задача статьи – обзор и анализ (в кратком и компактном, но при этом – интегральном и комплексном – формате) истории научных представлений о культурном ландшафте, их роли в развитии культурной географии и выявление важнейших трендов эволюции концепта культурного ландшафта на протяжении XX и XXI в.

Формирование научных представлений о культурном ландшафте

Ландшафт – одно из фундаментальных понятий географии, но истоки его иные, с географией связанные лишь косвенно. Современный термин *ландшафт*, как известно, – калька с немецкого языка (*Land* – земля, *schaft* – суффикс, указывающий на совокупность, взаимосвязь, сочленение), но исходным было старогерманское слово *lantscap*, обозначавшее что-то вроде единой священной земли, территории единой паствы [Тютюнник, 2004]. Письменное же употребление этого слова впервые зафиксировано в документах Фульдского аббатства (одного из старейших в Германии, в современной земле Гессен), датируемых началом IX в.² Впоследствии, уже в начале Нового времени, старогерманское слово перешло в нидерландский, а затем и в немецкий языки, и появилось совре-

¹ В данном случае *концепт* – содержание понятия, смысловое значение термина.

² По версии, разделяемой рядом авторитетных историков-медиевистов, монахи аббатства сознательно подменили при переводе с латыни «Евангелической гармонии» христианского богослова-апологета II в. Тациана Ассирийца нейтральный латинский термин *regio* (страна, территория, регион) неточным переведенным словом *lantscap* (в данном случае, видимо, в смысле *земли обетованной*).

менное слово *Landschaft*. Вплоть до XIX в. термин «ландшафт» не имел какой-либо концептуализации в географии и использовался в иных сферах¹.

В научный же дискурс термин «ландшафт» был введен великим немецким ученым-энциклопедистом Александром фон Гумбольдтом (1769–1859) в его знаменитом труде «Картины природы» [Humboldt, 1808]. Его современник, другой выдающийся немецкий географ, Карл Риттер (1779–1859), развивая сравнительный метод, подошел к представлению о ландшафте как о едином целом. До начала XX в. именно так ландшафт и понимался – как системное целое, включающее в себя как природные, так и культурные феномены; так он трактовался, в частности, в классической антропогеографии [Стрелецкий, 2009]. У ученых-географов не возникало мотиваций к дифференциации понятий, к делению ландшафтов на природные и культурные. Но в XX в. представление о культурном ландшафте оказалось востребованным в научном описании мира, и уже на исходе первой четверти прошлого столетия возникают крупные научные школы и направления культурно-ландшафтных исследований.

Родоначальником термина «культурный ландшафт» (нем. Kulturlandschaft) был немецкий географ О. Шлютер (1872–1959), который в начале XX в. ввел этот термин в научный оборот, противопоставив культурный ландшафт естественному, первозданному ландшафту («*Urlandschaft*»). О. Шлютер трактовал культурный ландшафт как материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека, которому и отводил ключевую роль в его (культурного ландшафта) генезисе [Schlüter, 1920, S. 213–214]. Впоследствии, уже после Второй мировой войны, данная антропоцентристская установка в работах немецких

¹ Подробнее см. во многих ранее опубликованных работах. В частности, Д. Костроув дает краткий обзор предистории этого географического понятия в изобразительном искусстве Западного мира – пейзажной (ландшафтной) живописи [Cosgrove, 1984]; Ю.Г. Тютюнник прослеживает перипетии термина «ландшафт» в истории государственного строительства, территориально-политического устройства и самоуправления в Германии и ее территориальных княжествах с раннего Средневековья до Нового времени – еще до того, как он был «освоен» в географической науке [Тютюнник, 2004]; В.Н. Калуцков провел сравнительный анализ истории «донаучных» представлений о ландшафте в сфере политики, живописи и романтической литературы [Калуцков, 2008].

социо- и культур-географов была значительно усилена: основное внимание стало уделяться изучению тех элементов культурного ландшафта, которые непосредственно отражали особенности и специфику деятельности социальных групп, конкретных территориальных общностей людей, как правило, в пределах локальных, очень небольших пространств – местностей (*Ortlichkeit*).

Последующая эволюция концепции культурного ландшафта в *немецкой географии* имела целый ряд особенностей; можно выделить несколько научных традиций, обусловивших специфику теоретических представлений о культурном ландшафте именно среди немецких ученых [Стрелецкий, 2003]. Во-первых, это получившая большое распространение именно в Германии традиция *трактовки географии как ландшафтоведения вообще* (*Landschaftskunde*). Многие немецкие географы – в их числе О. Шлютер, Л. Вайбель, Х. Лаутензак, Й. Шмиттхюзен, З. Пассарге, Э. Банзе и др. – считали понятие «ландшафт» ключевым для географии и полагали, что именно распространение ландшафтов по земной поверхности является главным объектом изучения географической науки; ряд из них вообще не видел принципиальной разницы между географией («*Geographie*»), общим землеведением («*Erdkunde*») и ландшафтоведением («*Landschaftskunde*»). Поэтому отнюдь не удивительно, что сам термин «культурный ландшафт» появился именно в Германии и лишь позднее был заимствован из немецкой географии другими национальными школами.

Вторая важнейшая научная традиция, повлиявшая на формирование представлений о культурном ландшафте в немецкой географии, – *хорологическая*. Она восходит к идеям Иммануила Канта (1724–1804), еще в конце XVIII в. обосновавшего принципиальные различия между науками сущностными, хронологическими и хорологическими; к числу последних и была отнесена (физическая) география, преподававшаяся им в Кёнигсбергском университете [Kant, 1802]. И в дальнейшую разработку хорологической концепции решающий вклад внесли именно немецкие ученые. Еще в середине XIX в. Карлом Риттером, одним из основоположников школы сравнительной географии и автором термина «землеведение» [Риттер, 1856; и др.], фактически были сделаны первые шаги в направлении культурно-географического районирования; хотя сам автор и не использовал подобной терминологии, он тщательнейшим образом описывал традиции, быт, культуру и

нравы народов, населявших разные области и провинции отдельных стран и частей света.

В трудах Альфреда Геттнера (1859–1941) хронологическая концепция приобрела, по сути, свой завершенный и канонический вид. Главное в географии, по Геттнеру, – познание земной поверхности в ее пространственных различиях [Геттнер, 1930]; при этом на первый план в его трактовке хронологии выдвигаются уже не размещение объектов и даже не «заполнение» пространства земным «веществом» как таковое, но прежде всего *пространственные отношения* на земной поверхности, *пространственные сочетания и связи* предметов и явлений, структурные характеристики *индивидуальных районов* (местностей). Имея в виду влияние А. Геттнера на развитие культурно-ландшафтной концепции, важно подчеркнуть три обстоятельства. Во-первых, пространственные связи предметов и явлений на земной поверхности им мыслились как *ландшафтные*; иными словами, для немецкого ученого ландшафтный дискурс совершенно не исключал пространственного: главное в ландшафте, по Геттнеру, – пространственная связность его элементов. Во-вторых, к системам географических объектов А. Геттнер относил и человеческое общество, в своей пространственной дифференциации «вписанное» в ландшафт. В-третьих, особый акцент на задаче постижения пространственных культурных различий на земной поверхности выдвигает районирование культуры в число приоритетных и ключевых географических тем и дает важный импульс развитию концепции регионализма в культурной географии [Геттнер, 1925]. По Геттнеру, уникальные сочетания разных объектов и явлений на определенных территориях и порождают региональное *культурно-ландшафтное разнообразие*, формирование самобытных культурно-географических *хоросов* (районов, стран, пространств).

Вполне закономерно, что именно в Германии представление о географии как о науке, призванной изучать земную поверхность во всем многообразии ее пространственных различий, закрепилось наиболее прочно и стало разделяться подавляющим большинством исследователей. Данное обстоятельство в огромной степени предопределило *своеобразие работ немецких авторов по культурному ландшафту*, в которых, как правило, четко прослеживается хронологический метод исследования; очень характерны тщательное, педантичное прописывание мельчайших пространственных разли-

чий. Именно в Германии (еще учениками О. Шлютера) были выполнены *пионерские работы по культурно-ландшафтному районированию*, в том числе на микрогеографическом уровне.

Наконец, одной из важнейших (с точки зрения ее влияния на становление национальной школы культурно-ландшафтных исследований) является великая традиция *классической немецкой антропогеографии*. Здесь в первую очередь следует назвать антропогеографическую школу Ф. Ратцеля (1844–1904), в фокусе внимания которой не только находились вопросы влияния природных факторов на историю разных народов, но и подробно описывались распространение локальных и региональных комплексов культуры по земному шару и роль исторических контактов в формировании культуры народов – в неразрывной связи с ландшафтными особенностями соответствующих территорий [Ratzel, 1882, 1891; Ратцель, 1902, 1903–1906].

В целом пространственные взаимосвязи и сочетания, причинно-следственные отношения, взаимообусловленность явлений природы и социума рассматриваются в Германии как основание целостности ландшафта. Немецкая географическая наука и сложившееся в кругу германских ученых представление о ландшафте (с особым вниманием к его природному базису) оказали огромное влияние на развитие культурно-ландшафтных исследований в России.

Во Франции истоки культурно-ландшафтных исследований следует искать в трудах ученых знаменитой национальной школы «географии человека» Поля Видаль де ла Блаша (1845–1918) и его последователей (Ж. Брюн, А. Деманжон, Л. Галлуа, П. Деффонтен и др.), хотя сам термин «культурный ландшафт» во Франции получил распространение значительно позже, чем в Германии и в США. Именно в трудах представителей этой замечательной плеяды французских географов оформились научные представления о национальном пейзаже / ландшафте [Vidal de la Blache, 1922; и др.]. П. Видалем де ла Блашем были сформулированы важнейшие принципы географического POSSIBILISMA, на несколько десятилетий ставшего методологической основой развития не только французской, но всей западной географии.

Кроме того, исключительно сильной стороной французских антропогеографов всегда был геоисторический синтез, особо тесная «смычка» между историей и географией; последовательно историко-географический подход к ландшафту еще в начале XX в.

выгодно отличал французских ученых от представителей многих других европейских и мировых научных школ; ведущие французские историки первой половины XX в., представители знаменитой школы «Анналов» – Марк Блок (1886–1944) и Люсьен Февр (1878–1956) были также широко вовлечены в региональные и географические исследования и уделяли в своих работах немалое внимание (преимущественно сельским) ландшафтам и феномену ландшафтного разнообразия в тесной связи с историко-культурными процессами и явлениями.

Со второй половины 1920-х годов предмет исследований французских антропогеографов расширяется, культурный ландшафт наполняется гуманистическим содержанием, в него включаются социальные категории, такие как образ жизни и среда обитания человека. И в последующем, на протяжении всего XX в., характерной особенностью французской национальной школы было приоритетное внимание к исследованию духовных, нематериальных процессов в формировании ландшафта.

Тем не менее первая крупная научная школа исследователей культурного ландшафта, получившая мировое признание, возникла не в Германии и не во Франции, но в США в 1920-е годы. Это была научная школа, созданная на базе университета в Беркли (Калифорния), которую возглавил Карл Зауэр (1889–1975). В 1925 г. была опубликована его работа «Морфология ландшафта» [Sauer, 1925], ставшая своего рода программным манифестом культурно-ландшафтного направления не только в американской, но и в мировой географической науке. Зауэровская концепция культурного ландшафта имеет в значительной степени немецкие корни (а сам К. Зауэр был выходцем из семьи немецких иммигрантов), причем научные разработки немецкой школы, О. Шлютера и его последователей, а также французских антропогеографов оказали большое влияние на формирование его концепции культурного ландшафта. По К. Зауэру, культурный ландшафт – это территория, которую в течение определенного исторического периода населяла группа людей – носителей специфических культурных ценностей, отличающаяся характерной взаимосвязью природных и культурных форм. Культура интерпретируется американским ученым как активное начало во взаимодействии с природной средой, природный ареал – как посредник («фон») человеческой деятельности, а культурный ландшафт – как результат их контакта.

Традиция Берклийской школы оказалась настолько мощной, что зауэровский подход определял характер культурно-ландшафтных исследований (а вместе с таковыми и мейнстрим американской Cultural Geography) на протяжении нескольких десятилетий XX в.; большую популярность идеи К. Зауэра получили еще до Второй мировой войны и в континентальной Европе. Квинтэссенция данного подхода – антропоцентризм и пришедший на смену географическому детерминизму и неоэнвайронментализму культурный детерминизм: культура трактуется как важнейшая движущая сила, формирующая «морфологию» (в зауэровском смысле) земной поверхности. Соответственно, внимание исследователя концентрируется на привнесенное в природный ландшафт рукотворное начало, делается акцент на изучении «внешнего» облика ландшафта, факторов и конкретных, «осязаемых» результатов его трансформации (систем землепользования, форм поселений, архитектурных объектов, коммуникаций и др.) [Salter, 1971; Jordan, Rowntree, 1982].

Вместе с тем научные разработки зауэровской школы на протяжении всего XX в. подвергались резкой критике со стороны многих авторитетных географов, причем еще задолго до начала так называемого гуманистического и феноменологического поворота в мировой географической науке в последней четверти прошлого столетия. Так, еще в конце 1930-х годов против исследовательской методологии Берклийской школы и ее понятийно-терминологического аппарата резко выступил один из ведущих американских географов Ричард Хартшорн (1899–1992). Его главной мишенью стал ключевой постулат теоретических разработок К. Зауэра – акцент на «территориальную морфологию» культурного ландшафта, трактовка последнего как пространственного ареала. Подчеркивая свою приверженность хронологическим идеям, Р. Хартшорн вместе с тем считал географию наукой чисто идеографической, призванной описывать множество районов (местностей), каждый из которых – сугубо индивидуален и неповторим, будучи при этом чисто ментальным конструктом [Hartshorne, 1939, p. 253]. В этой связи, отмечал Р. Хартшорн, «ландшафт» К. Зауэра («landscape») неотличим от «района / региона» («region»), поэтому исследовательская методология «берклийцев» не имеет, по его мнению, научной перспективы. Позднее, в 1950–1960-е годы, в период публикационного пика культурно-ландшафтных работ за-

уэровской школы, их много критиковали за излишний сциентизм, позитивизм, культурный детерминизм.

Эволюция концепта культурного ландшафта в мировой географической науке во второй половине XX в.

Во второй половине XX в. концепт культурного ландшафта в мировой географической науке претерпевает огромную трансформацию. Начиная примерно с рубежа 1960–1970-х годов в западной географии происходит пересмотр многих устоявшихся традиций, меняются подходы к постановке и решению фундаментальных теоретико-методологических проблем, претерпевают существенные изменения принципы и философские основания, на которых строилось «здание» прежней географии [Стрелецкий, 2002]. Многие корифеи западной географии – Д. Смит, П. Хаггет, Д. Харви – отходят от принципов сциентизма и позитивистской философии. Важным следствием этих сдвигов стали общая гуманитаризация географических знаний и разворот географической науки в сторону социальной и антропокультурной проблематики.

Переосмысление концепта культурного ландшафта в разных национальных школах имело свои особенности. В англосаксонской и особенно в американской географии широкое распространение получили образно-символические трактовки культурного ландшафта [Lowenthal, 1972, 1975; Cosgrove, 1984], гуманитарно-географические интерпретации среды обитания (в том числе и городской) как «места человека» [Tuan Yi-Fu, 1974; и др.], феноменологический подход как способ работы для выявления и описания смысловых значений между сознанием и наблюдаемыми в культурном ландшафте артефактами [Relph, 1981; Daniels, 1993; Mitchell, 2002].

С другой стороны, в современной американской культурной географии нашла свое отражение также давно укоренившаяся и восходящая еще к Р. Хартшорну традиция отождествления понятий «район» и «ландшафт», в связи с чем культурные ландшафты зачастую фактически интерпретируются как культурные районы. Важный толчок подобной реконцептуализации дало выдвижение на первый план в американской культурной географии проблематики так называемых *вернакулярных районов* – т.е. районов, выде-

ляемых самими жителями данной территории (иногда их называют также «обыденными районами»). Вернакулярные районы (от английского слова *vernacular* – местный, свойственный той или иной местности; родной; туземный; народный) существуют в самосознании местного населения; они редко совпадают в своих границах с районами – единицами административно-территориального деления, но всегда имеют самоназвание и воспринимаются местными жителями как культурная территориальная целостность. Наиболее крупные работы американских географов по выявлению и описанию вернакулярных районов были выполнены в 1960–1970-е годы.

В конце XX в. «коллекторский» и исследовательский интерес к вернакулярным районам в западной, в том числе американской, географии снизился; по подсчетам американских географов, уже с начала 1990-х годов существенно сократилось и число посвященных им публикаций. Одновременно изменилась и сама трактовка вернакулярных районов, которые все более стали ассоциироваться с запечатленным в сознании местных жителей обликом местностей, наделенных специфическими географическими и культурными особенностями. Соответственно, с конца XX в. термин «вернакулярный район» стал все более вытесняться понятием «вернакулярный ландшафт» (*vernacular landscape*), обращенным как к социогуманитарному дискурсу локальной идентичности, так и к возрождаемым традициям зауэровской школы; одним из первых ученых, употребивших термин «вернакулярный ландшафт», был классик американской культурной географии Вильбур Зелински (1921–2013), любимый ученик Карла Зауэра [Zelinsky, 1980]. Вернакулярные ландшафты – плоть от плоти народной культуры, при этом культуры массовой; они существуют не в умах исследователей, а внутри социума, воспринимаются и осознаются самими жителями, причем осознаются на уровне именно территориальной общности людей [Jackson, 1984].

В немецкоязычной науке в период после Второй мировой войны на первый план в изучении культурных ландшафтов выдвинулась западногерманская культурная география (*Kulturgeographie*), в ФРГ позиционирующая себя в роли своего рода наследницы классической антропогеографии [Wirth, 1969; Wöhlke, 1969; Egli, 1975]. Вместе с тем в послевоенный период изучению процессов формирования культурных ландшафтов стало уделяться огромное внимание и в немецкой социальной географии (*Sozialgeographie*).

Разворот последней в сторону культурно-ландшафтной проблематики связан прежде всего с именем австрийского и немецкого географа Ханса Бобека (1903–1990), в работах которого изложены важнейшие принципы и методологические установки «обновленной» социальной географии. По Х. Бобеку, одна из трех главных задач социальной географии состоит в выявлении «социальных сил», формирующих ландшафты Земли, и конкретных результатов их воздействия, материализованных в культурных ландшафтах [Bobek, 1948, s. 120; Bobek, Schmitthüsen, 1949, s. 112–113].

Первостепенное значение культурно-ландшафтные исследования приобрели в работах представителей так называемой «мюнхенской школы» социальной географии [Hartke, 1956, 1959; Ruppert, 1959; Ruppert, Schaffer, 1969], в которых особое внимание стало уделяться методикам дефиниции, демаркации и типологии социальных групп – «творцов» культурного ландшафта. Социальные, или – в терминологии некоторых представителей мюнхенской школы – социально-географические группы, охватывают совокупности индивидов, отличающиеся однотипным поведением в пределах конкретного географического контура и ландшафтного комплекса [Leng, 1973]. В 1960–1970-е годы западногерманскими социогеографами были предложены и многие индикаторы диагностики и оценки деятельности территориальных сообществ людей в социальном пространстве и ее проявлений в культурном ландшафте.

В период послевоенного раскола страны углубились (отчасти существовавшие и в предыдущие десятилетия) различия в характере и тенденциях развития культурно-ландшафтных исследований в Западной и Восточной Германии. Если в ГДР ландшафтоведение все более ориентировалось на естественно-научные образцы, то в Западной Германии, особенно с рубежа 1970–1980-х годов, происходит (со сравнительно небольшим временным промежутком) переосмысление концепта культурного ландшафта по сценарию, в целом схожему с той трансформацией, которая отмечалась и в странах англосаксонской культурной традиции. После объединения ФРГ и ГДР эти различия отнюдь не исчезли, хотя значительный приток в восточногерманские университеты коллег-географов, профессоров из западных земель несколько их сгладил.

Из крупных национальных культурно-ландшафтных школ преемственность по отношению к «классическому» наследию в наибольшей мере сохранила французская. Не случайно современ-

ную французскую культурную географию отличает особо бережное отношение к традициям как школы П. Видаля де ла Блаша (своей прямой «прародительницы»), так и смежной, исторической школы «Анналов», представители которых с разных сторон успешно продвигали теоретические идеи, да и саму научную практику геоисторического и культурно-ландшафтного синтеза. Именно в этих традициях, с глубоким вниманием к вопросам культурно-ландшафтного разнообразия, в конце XX в. был написан такой капитальный труд, как «История французского ландшафта» патриарха французской географии Ж.-Р. Питта [Pitte, 1994]. Вместе с тем – и в этом можно видеть определенный парадокс, теоретические представления французских географов о культурном ландшафте испытали мощное «облучение» со стороны современной социально-культурной антропологии, гештальт-психологии, а также постмодернистской философии, причем в огромной степени – со стороны «своих», французских мыслителей. Так, большое влияние на развитие французской культурно-ландшафтной школы второй половины XX – начала XXI в. оказали труды М. Фуко (1926–1984) и постструктуралистов, в том числе Ж. Делёза (1925–1995) и Ж. Деррида (1930–2004); постструктурализм задал идейные рамки трактовки ландшафта как «социального конструкта» [Lefebvre, 1974], разделяемой многими современными французскими культур-географами. Как отмечал в свое время М. Фуко [Foucault, 1980], именно систематизация пространственных представлений, способов «территориализации мысли», пространственной самоидентификации людей маркируют общее для современной философии и теории географической науки «проблемное поле». Ж. Делёз и его коллега, соавтор многих совместных с ним книг, Ф. Гваттари (1930–1992) в центр своей концепции так называемой геофилософии (или философии пространства) поставили вопросы пространственной организации ментальной деятельности, ее отношения к территории, месту и ландшафту [Делёз, Гваттари, 1998]. Культур-ландшафтоведение во Франции, подчеркивает ведущий современный французский культур-географ Поль Клаваль, в 1990–2000-е годы в полной мере испытало на себе влияние новых теоретических подходов, фокусирующих внимание на феномене «ментальных пространств» [Claval, 2003].

Культурный ландшафт в трудах российских ученых: Отечественные традиции и мировой контекст

В нашей стране термин «культурный ландшафт» впервые появляется еще в работах Л.С. Берга (1876–1950), одного из основателей отечественного ландшафтоведения, последователя и ученика В.В. Докучаева [Берг, 1915]. Выдающийся российский географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942), современник Л.С. Берга, избегал немецкоязычного термина «ландшафт», но именно он (в своей знаменитой и пронизанной антропогеографическими мотивами книге «Район и страна») предложил типологию ландшафтов по характеру их освоения; он называл их, как известно, франкоязычным словом «пейзаж» и выделял наряду с девственными, дичающими и прочими пейзажами также и культурные пейзажи [Семёнов-Тянь-Шанский, 1928]. В целом можно сделать вывод, что отечественные географы в дореволюционный и раннесоветский периоды вели культурно-ландшафтные исследования в том же русле, что и их западные коллеги (преимущественно немецкой и французской национальных школ), и синхронно с ними.

Однако уже к концу 1920-х годов богатейшие традиции дореволюционной русской антропогеографии начинают постепенно утрачиваться и вскоре фактически предаются забвению. С 1930-х годов наблюдается интенсивная политизация наук, особенно общественно-гуманитарного профиля, жестко контролируются научные исследования с социокультурной проблематикой. Отечественное ландшафтоведение надолго ушло из антропокультурного дискурса, избрав в качестве ключевого термина понятие природного ландшафта и весьма преуспев в его исследовании и картографировании (Н.А. Гвоздецкий, Н.А. Солнцев, А.Г. Исаченко). В послевоенные годы появился термин «антропогенный ландшафт» (концептуально он был разработан Ф.Н. Мильковым в 1970-е годы), обозначающий географический ландшафт, сформировавшийся под решающим воздействием человеческой деятельности. Культурный же ландшафт многими советскими физико-географами также рассматривался в безоценочном смысле как овеществленный результат преобразования человеком природного ландшафта и как таковой фактически отождествлялся с антропогенным ландшафтом. Позднее, уже в позднесоветскую эпоху, появилась также трактовка культурного ландшафта в оценочном смысле, т.е. как одной из

разновидностей антропогенного ландшафта; при оценочном подходе культурный ландшафт – это «хороший», «облагороженный», гармоничный антропогенный ландшафт, созданный целенаправленно и устроенный целесообразно, отличающийся высоким бонитетом^{1, 2}. Однако, при всех нюансах разных трактовок, отечественные физико-географы включали в понятие «культурный ландшафт», главным образом, его природную, измененную человеком, первооснову и искусственные сооружения – объекты материальной культуры. Эта же точка зрения нашла понимание и поддержку и в советской экономической географии [Саушкин, 1946 и др.]. Широко укоренены такие воззрения на культурный ландшафт и в постсоветской России, в первую очередь среди современных физико-географов. К гуманитарным аспектам раскрытия концепта культурного ландшафта ближе Б.Б. Родоман, который ввел в научную и проектную практику ряд новых категорий, в частности понятие поляризованного культурного ландшафта [Родоман, 2002; и др.].

Одним из следствий возрождения российской культурной географии, начавшегося с конца прошлого века, когда за рубежом ведущие национальные культурно-географические школы уже не только давно сложились, но и претерпели значительную эволюцию, стало существенное переосмысление феномена культурного ландшафта; в интерпретациях последнего уже с рубежа 1980–1990-х годов наметился очевидный разворот в сторону его понимания как результата сотворчества человека, природы и культуры³. С самого начала 1990-х годов российские культур-географы стремились как бы наверстать, казалось бы, безнадежно упущенное за десятилетия идеологической «зашоренности», когда куль-

¹ Бонитет (от лат. *bonitas* – добротность, высокое качество) – количественный показатель, отражающий реальное или потенциальное качество природных объектов (животных, растений, почв), определяющий их экономическую ценность.

² Характерные черты культурного ландшафта, по А.Г. Исаченко [Исаченко, 1991], – рациональное земле- и природопользование, высокие эстетические и функциональные качества, наличие ценных элементов природного и культурного наследия.

³ Детальный обзор большого массива научных работ в отечественном культурном ландшафтоведении выходит за рамки данной статьи; о современных российских исследованиях культурных ландшафтов см., в частности, ранее опубликованные работы [Рагулина, 2004; Стрелецкий, 2008; Калущков, 2008; Каганский, 2009; Кулешова, Стрелецкий, 2017; и др.].

тура трактовалась как нечто вторичное, производное по отношению к экономическому базису. Но характерно, что при всей значимости мировоззренческой «прорывности» такого разворота, отечественные культур-географы, обратившиеся к тематике культурного ландшафта, продолжали следовать в огромной степени, если не в первую очередь, богатым отечественным научным традициям и методологическим принципам географических исследований, закрепленным в предшествующие десятилетия советской и даже досоветской эпох.

Именно на мощном фундаменте научных традиций отечественной географии сформировалась концепция культурного ландшафта Ю.А. Веденина (часто обозначаемая как «информационная», или «ноосферная»), еще в 1990-е годы ставшая своего рода «визитной карточкой» культурно-ландшафтных исследований в России, проводимых с позиций уже не физической, но культурной географии. По Ю.А. Веденину, культурный ландшафт – это феномен ноосферный, «целостная и территориально локализованная совокупность вещества, энергии и информации, сформировавшихся в результате спонтанных природных процессов, преобразовательной и интеллектуально-созидательной деятельности людей» [Веденин, 1990, с. 6]. Представление о том, что культура входит в ландшафт через потоки энергии и информации, исследовательский подход к культурному ландшафту как к системе, его подчеркнута интегративная (но при этом и последовательно структурно иерархизированная) концептуализация, выдвижение на первый план дискурса «опорного каркаса» культурного ландшафта¹ – все эти атрибуты авторского подхода можно интерпретировать в методологическом ключе как следование глубоко укорененным национальным традициям отечественной географической науки – не только дореволюционной (русской антропогеографической школы), но и, конечно же, советской (в некоторых аспектах – как их своего рода переоткрытие и переосмысление). Отсюда и акцент в концепции Ю.А. Веденина на четком структурном «разведении» «природного» и «культурного» слоев культурного ландшафта, материальной и духовной куль-

¹ Ср. с хорошо известными теоретическими разработками об опорном каркасе расселения в советской социально-экономической географии, с представлениями об экологическом каркасе территории и др.

туры¹, новационной и традиционной культуры, «культурного наследия» и «живой» культуры. В РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (более 20 лет возглавлявшегося Ю.А. Ведениным) был создан уникальный творческий коллектив, работавший на стыке самых разных социогуманитарных, культурно-ландшафтных и культурно-географических исследований; при этом Институт Наследия стоял в нашей стране фактически у истоков культурно-ландшафтного районирования [Веденин, 2004; Туровский, 1998; и др.], исследований в области географии искусства (и даже роли искусства и вообще духовных факторов в формировании культурных ландшафтов) [Веденин, 1997; География искусства, 1994–2011], а также прикладных исследований с фокусировкой на решении практических задач, в связи со включением культурных ландшафтов в руководящие документы ЮНЕСКО по применению Конвенции о всемирном наследии². Ноосферная концепция Ю.А. Веденина получила за рубежом довольно широкую известность, но при этом не имеет, строго говоря, явных аналогов в теории и методологии культурно-ландшафтных исследований, проводимых за пределами России (и некоторых других постсоветских стран).

Другое направление культурно-ландшафтных исследований, получившее приоритетное развитие в постсоветской России, актуализирует, в первую очередь, наследие «классической» культурной географии периода ее расцвета (в том числе традиции зауэровской школы). Характерные черты этого направления – интерпретация культурного ландшафта как местности, облик которой определяется конкретной территориальной социокультурной группой, ее заселившей и осваивавшей в течение продолжительного времени; опора на средовой подход; особое внимание к тем особенностям культурного ландшафта, в которых отражается специфика местного сообщества. Переключка с идеями Зауэра здесь очевидна, и симптоматично, что их влияние на культурно-ландшафтные исследования в России стало весомым с конца XX в., как раз в то время,

¹ Четкое разграничение «материальной» и «духовной» культуры было одним из главных постулатов советской культурологии, но в современной мировой социально-культурной антропологии данный тезис мало кем разделяется; стараются избегать столь жесткого разграничения и зарубежные культур-географы.

² Подробнее см. в ранее опубликованных работах [Культурный ландшафт, 2004; В фокусе наследия, 2017; и др.].

когда, например, в самих странах Запада культурная география (и ее культурно-ландшафтная «ветвь») существенно пересматривает зауровневое наследие, методологически диверсифицируется и по некоторым позициям отчасти дистанцируется от научных принципов и заветов мэтра-основоположника.

В нашей стране наиболее последовательно данный научный подход представлен в концепции этнокультурного ландшафтоведения В.Н. Калуцкого [Калуцкий, 2000, 2008; и др.]. Закономерно, что это научное направление стало одним из ключевых в России — стране с исключительно сложным этническим составом населения, в которой этнические различия выступают особо значимым, первостепенным фактором культурно-географической дифференциации пространства. По В.Н. Калуцкому, этнокультурное ландшафтоведение — это «комплексная дисциплина, предметом которой является этнокультурное освоение ландшафтов Земли, включая вопросы отражения природных ландшафтов в культуре, развития культурных ландшафтов и освоения ландшафтных диалектов» [Калуцкий, 2008, с. 315]. Внимание при этом подходе фокусируется на культуре местного сообщества, рассматриваемой в неразрывной связи с природными ландшафтами (выполняющими роль естественных ниш ее генезиса и развития), этничностью и характером традиционного природопользования. Близки к данному направлению и работы петербургского географа А.А. Соколовой, формирующие своеобразный сегмент лингво-этнокультурно-ландшафтных исследований: любой этнос, как подчеркивает этот автор, семантически осваивает ландшафт, именуя его составляющие, особенности, процессы, тем самым создавая диалектные образы ландшафта [Соколова, 2007; и др.].

Этнокультурная проблематика ландшафта обстоятельно рассматривается также в фундаментальной монографии М.В. Рагулиной [Рагулина, 2004], в которой этнокультурный ландшафт осмысливается как органичный синтез территории, деятельности, образного восприятия и среды обитания. Вторая часть этой книги специально посвящена методам культурно-географического регионального синтеза и их апробации на конкретном сибирском материале; особенно большое внимание исследователь уделяет этноэкологическим факторам этнического природопользования, ритмике освоения этноландшафтов и пространственно-временной пульсации в жизнедеятельности кочевых культур, структурным особенностям этнокультурных

ландшафтов некоторых сибирских народов (эвенков, тофаларов, бурят). Следующая книга того же автора ставит задачу интегрального культурно-ландшафтного синтеза в соразвитии человека, ландшафта и культуры, что предполагает, как пишет М.В. Рагулина во введении к своей работе, формирование скоординированной теоретической модели, которая позволила бы инкорпорировать каждый конкретный подход, не упрощая его и не подгоняя под общую схему [Рагулина, 2015, с. 11–12].

В меньшей степени нашел отражение в разработке концепта культурного ландшафта в нашей стране разворот в сторону феноменологии, оказавшей, как уже отмечалось выше, огромное влияние на развитие так называемой «новой» культурной географии в странах Запада. Несомненно, в этом проявились негативные последствия многодесятилетнего «отрыва», дистанционности отечественной географии на протяжении большей части XX в. не только от мировой Cultural Geography с ее плюрализмом мировоззренческих установок и методологических парадигм, но и от обширного междисциплинарного проблемно-исследовательского поля социогуманитарных наук в целом. При этом важно отметить, что в отличие от отечественной географии русская философия Серебряного века (в лице многих ее ведущих представителей – в частности, Г.Г. Шпета, Г.П. Федотова, Л.И. Шестова) как раз не прошла мимо зародившейся еще в самом начале прошлого столетия феноменологии, в том числе испытала и заметное влияние работ Э. Гуссерля (особенно геттингенского периода). Статья-манифест Ф.А. Степуна «К феноменологии ландшафта», опубликованная в далеком 1912 г. в журнале-альманахе «Труды и дни» (знаменитом двухмесячнике издательства «Мусагет»), стала, возможно, первым опытом феноменологического «прочтения» ландшафта в отечественной традиции [Степун, 1912]; не будучи профессиональным географом, но попытавшись осмыслить *онтологическую* связь между освоением пространства тем или иным народом и «духовным обликом представляемой им культуры», Федор Степун смог провести блестящее сравнение российского и западноевропейского ландшафта сквозь призму ценностей, духа и стилей русской и западной культур. Но уже в 1920-е годы ощутимый удар был нанесен как по отечественной философии, так и антропогеографии, и единственная «легитимная концепция» стала в СССР определять

пути развития научных исследований в самых разных сферах, в том числе и культурно-ландшафтных исследований.

В постсоветской России ситуация, разумеется, уже совершенно иная: быстро развивающееся культурное ландшафтоведение не отличается единством методологического подхода, но как раз феноменологическое направление представлено весьма фрагментарно. Как «ландшафтную феноменологию культуры» позиционирует свои работы В.Л. Каганский, хотя это не бесспорная самоидентификация. Различение «природных» и «культурных» ландшафтов, по В.Л. Каганскому, малопродуктивно: «всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей – культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Каганский, 2001, с. 24]. Феноменологическое «прочтение» ландшафта подразумевает признание самоценности и уникальности каждого освоенного человеком участка земной поверхности. Культурный ландшафт подобен тексту; в его смысловом поле сопряжены природные и социокультурные элементы, его «расшифровка» требует постижения смыслов.

Российская гуманитарная география и культурно-ландшафтные исследования

Культурный ландшафт с конца XX в. стал важной темой в *гуманитарной географии* – междисциплинарном направлении, сфокусированном в первую очередь на гуманитарных исследованиях пространства, моделировании и репрезентации географических образов, – направлении, созданном доктором культурологии Д.Н. Замятиным, его последователями и коллегами.

Термин *гуманитарная география* распространен, главным образом, именно в России; в англо-, франко-, немецкоязычной литературе он вообще не используется¹. Вместе с тем и в отечественной науке это наименование трактуется далеко не однозначно.

¹ Так, в англосаксонской географии нет термина *humanitarian geography* (в отличие от близких по звучанию, но совершенно иных по содержанию терминов *human geography* и *humanistic geography*).

В частности, существует максимально широкая интерпретация гуманитарной географии, в соответствии с которой данный термин закрепляется за всей «нефизической», «неприродной» ветвью географической науки [Ковалёв, 1995; Гладкий, 2010; и мн. др.] и, как таковой, выступает синонимом отечественных понятий *общественная география* или *социально-экономическая география* (в ее широком смысле) и наиболее точным аналогом англоязычного термина *human geography*.

Фокусировка же исследовательского объекта гуманитарной географии на *проблематике географических образов, представлений о географическом пространстве* предполагает, разумеется, иные предметные рамки, но и здесь нет полного консенсуса¹. При такой фокусировке гуманитарная география понимается как «совокупность тесно взаимосвязанных направлений географии, изучающих закономерности формирования и развития систем представлений о географическом пространстве (в сознании отдельных людей, социальных, этнокультурных, расовых групп и др.), согласно которым человек организует свою деятельность на определенной территории» [Замятина, Митин, 2007, с. 151], как «междисциплинарное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая ментальную (мыслительную) деятель-

¹ Как пишет Д.Н. Замятин в монографии «Гуманитарная география: пространство и язык географических образов» («программной» и одной из самых цитируемых книг ведущего разработчика этого междисциплинарного направления), «гуманитарная география охватывает в содержательном плане геополитику (геополитологию) и политическую географию, экономическую (социально-экономическую) географию и геоэкономику; в то же время гуманитарная география рассматривается и как система методологических и теоретических подходов и приемов, используемых в указанных нами областях географического знания» [Замятин, 2003, с. 4]. Такая дефиниция автору данной статьи представляется также весьма широкой и при этом спорной. Междисциплинарное направление, сфокусированное, в первую очередь, на изучение представлений о географическом пространстве, «географических образов», никак не может покрыть собою все предметное поле социально-экономической и политической географии, геоэкономики и геополитики. Аналогично и с методами, теоретическими подходами и приемами. Наряду с методами и подходами гуманитарной географии, в этих областях научного знания широко используются и многие другие, в том числе вполне традиционные, не имеющие отношения к «гуманитарной географии».

ность» [Замятин, 2010, с. 126]; предлагаются и иные дефиниции, со своими нюансами и акцентами, в разных контекстах.

Наряду с *географическим образом*, а также *региональной (пространственной) идентичностью* и *пространственным (локальным) мифом*, культурный ландшафт рассматривается в российской гуманитарной географии в качестве одного из ее базовых понятий [там же]. Но здесь исследовательский подход к нему – специфический и особый: в гуманитарной географии главное внимание уделяется образам ландшафта и их интерпретации, концепту гения места, ландшафтной мифологии, ландшафтному палимпсесту [Замятин, 2003; Митин, 2004; Замятин, Замятина, Митин, 2008], семантике и сакральным локусам ландшафта [Лавренова, 2010; и др.]. Иными словами, гуманитарная география не охватывает собою все культурное ландшафтоведение в целом, во всех его ипостасях; так, работы по культурному ландшафту отечественных физико-географов большей частью, в общем-то, далеки от гуманитарной географии – по исследовательским методам, научному тезаурусу и дискурсу. Вместе с тем в культурно-ландшафтных исследованиях ведущих российских культур-географов (см. предыдущий раздел статьи) влияние методологических подходов, используемых в «гуманитарной географии» (в частности, концепции географических образов Д.Н. Замятина), очевидно и весьма существенно. И это не удивительно, учитывая особо тесные связи российской гуманитарной географии с культурной географией¹ –

¹ Вопрос о «сферах взаимопересечения» культурной географии и российской гуманитарной географии неоднозначный и непростой. Так, по мнению И.И. Митина, российская гуманитарная география к началу XXI в. «поглотила» основные культурно-географические темы [Митин, 2011], и в этом проявляется специфика исторического пути отечественной культурной географии. Вместе с тем в строгом смысле нетождественность гуманитарной географии и культурной географии очевидна; в российской культурной географии существуют немалые научные заделы, восходящие еще к антропогеографии и никак не связанные с подъемом гуманитарной географии в нашей стране в конце XX – начале XXI в. При этом, если культурная география, при всей своей междисциплинарности, однозначно является именно географической наукой, одной из «ветвей» общественной географии (*human geography*), то российская гуманитарная география предметно и методологически находится, в полном смысле этого понятия, «на междисциплинарном стыке» географических и смежных с нею гуманитарных и социальных наук; многие из научных разработок российских «гуманитарных

гораздо более близкие и органичные, чем, например, с традиционной экономической географией и многими социально-географическими дисциплинами. Важным практическим приложением гуманитарно-географических ландшафтных изысканий являются моделирование образов ландшафта и брендинг территорий¹.

Заключение

Культурно-ландшафтные исследования – один из ключевых полюсов роста в развитии современной культурной географии. И за рубежом, и в нашей стране они имеют огромное практическое, прикладное значение. Проводимые (не только учеными-географами, но и представителями смежных дисциплин) научные исследования, многочисленные публикации готовят общественное мнение к признанию роли культурного ландшафта в формировании культурных идентичностей, историко-культурного пространства, среды жизни и творчества человека.

Экспансия географии в предметные области гуманитарных наук – в этнологию, психологию, социально-культурную антропологию, равно как и движение в обратном направлении – привнесение в географию моделей и теорий, наработанных в гуманитарных науках, – все это находит прямое отражение в эволюции научных представлений о культурном ландшафте, в том числе и во взаимовлиянии его разных концептов друг на друга (что само по себе, разумеется, позитивно). Однако, как и любой другой, данный процесс имеет и обратную сторону. Для культурной географии в качестве таковой выступает прежде всего угроза «раствориться» в смежных гуманитарных науках, утратить – в той или иной мере – свою идентичность. Так, культурный ландшафт из объекта географического все более становится объектом социокультурных исследований, в которых связь с его природной, естественной первоосновой как бы уходит на задний план. И в связи с этим, по-видимому, отнюдь не случайно современная культурная география

географов» позиционируются в сфере культурологии даже в большей степени, нежели в предметном поле собственно географической науки.

¹ Брендинг территории – это целенаправленное формирование образа страны, региона или города в сознании граждан или мировой общественности.

возрождает традиции прежней антропогеографии, все более стремится к комплексному страноведению, постижению характерных черт и географических образов стран, мест и местностей.

Статья написана по результатам исследований по Программе Президиума РАН № 53 «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов» (проект № 0148–2018–0030 П «Эволюция и адаптация основных типов местности России к современным вызовам в разных географических условиях»).

Список литературы

1. Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО. – М., 1915. – Т. 51, вып. 9. – С. 463–475.
2. Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. геогр. – М., 1990. – № 1. – С. 3–17.
3. Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 338–382.
4. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 224 с.
5. В фокусе наследия: Сб. статей / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Ин-т географии РАН, 2017. – 688 с.
6. География искусства. – М.: Ин-т Наследия, 1994–2011. – Вып. 1–6.
7. Геттнер А. Как культура распространялась по Земному шару. – Л.: Начатки знаний, 1925. – 88 с. – [Hettner, 1912].
8. Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы / пер. с нем. – Л.; М.: Госиздат, 1930. – 416 с. – [Hettner, 1927].
9. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: Научная экспликация. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 644 с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с. – [Deleuze, Guattari, 1991].
11. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.
12. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. – М., 2010. – № 4. – С. 126–138.
13. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – М.: Институт Наследия, 2008. – 750 с.
14. Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география // Большая российская энциклопедия. – М.: Изд-во БРЭ, 2007. – Т. 8. – С. 151.

15. Исаченко А.Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. – М.: Высшая школа, 1991. – 366 с.
16. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
17. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2009. – № 1. – С. 62–70.
18. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 96 с.
19. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
20. Ковалёв Е.М. Гуманитарная география России. – М.: Ла Ваяг, 1995. – 448 с.
21. Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. – М.: Ин-т географии РАН, 2017. – С. 313–329.
22. Культурный ландшафт как объект наследия / под. ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
23. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. – М.: Институт Наследия, 2010. – 330 с.
24. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. – Смоленск: Ойкумена, 2004. – 160 с.
25. Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос) становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. (Электронное издание). – 2011. – № 4 (5). – С. 19–25.
26. Рагулина М.В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. – Иркутск: ИГ СО РАН, 2004. – 172 с.
27. Рагулина М.В. Культурный ландшафт: интегральный взгляд. – Ульяновск: Зебра, 2015. – 147 с.
28. Ратцель Ф. Народоведение / пер. с нем. – СПб.: Просвещение, 1902. – Т. 1. – 764 с.; Т. 2. – 877 с. – [Ratzel, 1885–1888].
29. Ратцель Ф. Земля и жизнь: Сравнительное землеведение / пер. с нем. – СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон. – Т. 1, вып. 1–4. – 1903–1905. – 737 с.; Т. 2. – 1906. – 730 с. – [Ratzel, 1901–1902].
30. Риттер К. Землеведение Азии / пер. и доп. П.П. Семёнова. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1856. – Т. 1: Общее введение и восточная окраина Азии. – 736 с.
31. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – 336 с.
32. Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. – М., 1946. – № 1. – С. 97–106.
33. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 311 с.
34. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. – 392 с.

35. Степун Ф.А. К феноменологии ландшафта // Труды и дни: Альманах-двухмесячник. – М.: Мусажет, 1912. – № 2, март – апрель. – С. 52–56.
36. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. – М., 2002. – № 4. – С. 18–28.
37. Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования / отв. ред. В.Н. Калущков, Т.М. Красовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 42–54.
38. Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. – М., 2008. – № 5. – С. 21–33.
39. Стрелецкий В.Н. От антропогеографии к культурной географии: преемственность в развитии и новые исследовательские направления // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие / отв. ред. Т.М. Красовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – С. 23–29.
40. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Ин-т Наследия, 1998. – 210 с.
41. Тютюнник Ю.Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Известия РАН. Сер. геогр. – М., 2004. – № 4. – С. 116–122.
42. Bobek H. Die Stellung und Bedeutung der Sozialgeographie // Erdkunde. – 1948. – Bd. 2. – S. 118–125.
43. Bobek H., Schmithüsen J. Der Landschaftsbegriff im logischen System der Geographie // Erdkunde. – 1949. – Bd. 3. – S. 112–120.
44. Claval P. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. – Paris: Armand Collins, 2003. – 288 p.
45. Cosgrove D.E. Social formation and symbolic landscape. – Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1998. – 332 p. – [Cosgrove, 1984–1st Ed.]
46. Daniels S. Fields of vision: landscape imagery and national identity in England and United States. – Cambridge: Polity Press, 1993. – 260 p.
47. Egli E. Mensch und Landschaft. Kulturgeographische Aufsätze und Reden. – Zürich; München: Artemis Verlag, 1975. – 376 S.
48. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of “Herodote” // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / ed. by C. Gordon, 1972–1977. – Brighton: Harvester, 1980. – P. 63–77.
49. Hartke W. Die «Sozialbrache» als Phänomen der geographischen Differenzierung der Landschaft // Erdkunde. – 1956. – Jg. 10, Heft 4. – S. 257–269.
50. Hartke W. Gedanken über die Bestimmung von Räumen gleichen sozialgeographischen Verhaltens // Erdkunde. – 1959. – Jg. 13, Heft 4. – S. 426–436.
51. Hartshorne R. The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past // Annals of Association of American Geographers. – 1939. – Vol. 29. – P. 171–645.
52. Humboldt A. von. Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen. Bd 1: Über die Steppen und Wüsten. Ideen zu einer Physiognomik der Gewächse. Über Wasserfälle des Orinoco, bei Atures und Maypures. – Tübingen: J.G. Cotta, 1808.

53. *Jackson J.B.* Discovering the vernacular landscape. – New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1984. – 165 p.
54. *Jordan T., Rowntree L.* The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography. – 3rd ed. – Cambridge: Harper & Row, 1982. – 444 p.
55. *Kant I.* Immanuel Kant's physische Geographie / Hrsg. von F.T. Rink. – Königsberg: Göbbels und Unzer, 1802. – Bd. 1–2.
56. *Lefebvre H.* La production de l'espace. – Paris: Anthropos, 1974. – 512 p.
57. *Leng G.* Zur "Münchner" Konzeption der Sozialgeographie // Geographische – Zeitschrift. – 1973. – Jg. 61, Heft 3. – S. 121–134.
58. *Lowenthal D.* English Landscape // Man, Space and Environment. – N.Y.: Oxford University Press, 1972. – P. 81–112.
59. *Lowenthal D.* Past Time, Present Place: Landscape and Memory // Geographical Review. – 1975. – Vol. 65, N 1. – P. 1–36.
60. *Mitchell D.* Cultural landscapes: The dialectical landscape: Recent landscape research in human geography // Progress in human geography. – 2002. – Vol. 26. – P. 381–389.
61. *Pitte J.-R.* Histoire du paysage français. – Paris: Editions Tallandier, 1994. – Tome 1: Le sacré: de la préhistoire au XVe siècle. – 216 p.; Tome 2: Le profane: du XVIe siècle à nos jours. – 189 p. – [Pitte, 1983].
62. *Ratzel F.* Anthropogeographie. – Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. – Bd. 1: Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. – 604 S.; Bd. 2: Die geographische Verbreitung des Menschen. – Stuttgart: J. Engelhorn, 1891. – 781 S.
63. *Relf E.* Rational Landscape and Humanistic Geography. – L.: Groom Helm, 1981. – 231 p.
64. *Ruppert K.* Die Sozialbrache in Westdeutschland // Agrarwirtschaft. – 1959. – Vol. 8, N 3. – S. 69–77.
65. *Ruppert K., Schaffer F.* Zur Konzeption der Sozialgeographie // Geographische Rundschau. – 1969. – Jg. 21, Heft 6. – S. 205–214.
66. *Salter C.L.* The Cultural Landscape. – Belmont, Ca: Duxbury, 1971.
67. *Sauer K.* Morphology of Landscape // Publications in Geography. – University of California, 1925. – Vol. 2, № 2. – P. 19–53.
68. *Schlüter O.* Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger. – 1920. – Bd. 21. – S. 145–152, 213–218.
69. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1974. – 260 p.
70. *Vidal de la Blache P.* Principes de géographie humaine. – Paris: Armand Colin, 1922. – 327 p.
71. *Wirth E.* Zum Problem einer allgemeinen Kulturgeographie // Die Erde. – 1969. – Bd. 100. – S. 156–193.
72. *Wöhlke W.* Die Kulturlandschaft als Funktion von Veränderlichen: Überlegungen zur dynamischen Betrachtung in der Kulturgeographie // Geographische Rundschau. – 1969. – Jg. 21, Heft 8. – S. 298–308.
73. *Zelinsky W.* North America's Vernacular Landscape // Annals of the Association of American Geographers. – 1980. – Vol. 70, N 1. – P. 1–16.

References

1. *Berg L.S.* Predmet i zadachi geografii // *Izv. RGO.* – M., 1915. – T. 51, vyp. 9. – S. 463–475.
2. *Vedenin Yu.A.* Problemy formirovaniya kul'turnogo landshafta i ego izucheniya // *Izvestiya AN SSSR. Ser. geogr.* – M., 1990. – N 1. – S. 3–17.
3. *Vedenin Yu.A.* Opyt kul'turno-landshaftnogo opisaniya krupnyh regionov Rossii // *Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya.* – M.: Institut naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. – S. 338–382.
4. *Vedenin Yu.A.* Ocherki po geografii iskusstva. – SPb.: Izd-vo Dmitrij Bulanin, 1997. – 224 s.
5. V fokuse naslediya. Sb. statej / sost., otv. red. M.E. Kuleshova. – M.: In-t geografii RAN, 2017. – 688 s.
6. Geografiya iskusstva. Vyp. 1–6. – M.: In-t Naslediya, 1994–2011.
7. *Gettner A.* Kak kul'tura rasprostranyalas' po Zemnomu sharu. – L.: Nachatki znaniy, 1925. – 88 s. – [Hettner, 1912].
8. *Gettner A.* Geografiya. Ee istoriya, sushchnost' i metody / per. s nem. – L.; M.: Gosizdat, 1930. – 416 s. – [Hettner, 1927].
9. *Gladkij Yu.N.* Gumanitarnaya geografiya: Nauchnaya eksplikaciya. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2010. – 644 s.
10. *Delyoz Zh., Gvattari F.* Chto takoe filosofiya? / per. s fr. – M.: In-t eksperimental'noj sociologii. – SPb.: Aletejya, 1998. – 288 s. – [Deleuze, Guattari, 1991].
11. *Zamyatin D.N.* Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov. – SPb.: Aletejya, 2003. – 331 s.
12. *Zamyatin D.N.* Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* – M., 2010. – N 4. – S. 126–138.
13. *Zamyatin D.N., Zamyatina N. Yu., Mitin I.I.* Modelirovanie obrazov istoriko-kul'turnoj territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podhody. – M.: Institut Naslediya, 2008. – 750 s.
14. *Zamyatina N. Yu., Mitin I.I.* Gumanitarnaya geografiya // *Bol'shaya russijskaya enciklopediya.* – M.: Izd-vo BRE, 2007. – T. 8. – S. 151.
15. *Isachenko A.G.* Landshaftovedenie i fiziko-geograficheskoe rajonirovanie. – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 366 s.
16. *Kaganskij V.L.* Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 576 s.
17. *Kaganskij V.L.* Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii v russijskoj geografii // *Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozrenie.* – M., 2009. – N 1. – S. 62–70.
18. *Kaluckov V.N.* Osnovy etnokul'turnogo landshaftovedeniya. Uch. posobie. – M.: Izd-vo MGU, 2000. – 96 s.
19. *Kaluckov V.N.* Landshaft v kul'turnoj geografii. – M.: Novyj hronograf, 2008. – 320 s.
20. *Kovalyov E.M.* Gumanitarnaya geografiya Rossii. – M.: La Vayag, 1995. – 448 s.
21. *Kuleshova M.E., Streleckij V.N.* Formirovanie i evolyuciya predstavlenij o kul'turnom landshafte // V fokuse naslediya. – M.: In-t geografii RAN, 2017. – S. 313–329.

22. Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya / pod. red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej. – M.: Institut naslediya; SPb.: Dmitriy Bulanin, 2004. – 620 s.
23. Lavrenova O.A. Prostranstva i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta. – M.: Institut Naslediya, 2010. – 330 s.
24. Mitin I.I. Kompleksnye geograficheskie karakteristiki. Mnozhestvennye real'nosti mest i semiozis prostranstvennyh mifov. – Smolensk: Ojkumena, 2004. – 160 s.
25. Mitin I.I. Kul'turnaya geografiya v SSSR i postsovetsoj Rossii: istoriya (vos)stanovleniya i faktory samobytnosti // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. (Elektronnoe izdanie). – 2011. – N 4 (5). – S. 19–25.
26. Ragulina M.V. Kul'turnaya geografiya: teoriya, metody, regional'nyj sintez. – Irkutsk: IG SO RAN, 2004. – 172 s.
27. Ragulina M.V. Kul'turnyj landshaft: integral'nyj vzglyad. – Ul'yanovsk: Zebra, 2015. – 147 s.
28. Ratcel' F. Narodovedenie / per. s nem. – SPb.: Prosveshchenie, 1902. – T. 1. – 764 s.; T. 2. – 877 s. – [Ratzel, 1885–1888].
29. Ratcel' F. Zemlya i zhizn': Svrnritel'noe zemlevedenie / per. s nem. – SPb.: Izd-vo Brokgauz-Efron. – T. 1, Vyp. 1–4. – 1903–1905. – 737 s.; T. 2. – 1906. – 730 s. – [Ratzel, 1901–1902].
30. Ritter K. Zemlevedenie Azii / per. i dop. P.P. Semyonova. – SPb.: Tip. Imper. Akademii nauk, 1856. – T. 1: Obshchee vvvedenie i vostochnaya okraina Azii. – 736 s.
31. Rodoman B.B. Polyarizovannaya biosfera. – Smolensk: Ojkumena, 2002. – 336 s.
32. Saushkin Yu.G. Kul'turnyj landshaft // Voprosy geografii. – M., 1946. – N 1. – S. 97–106.
33. Semyonov-Tyan-Shanskij V.P. Rajon i strana. – M.; L.: Gosizdat, 1928. – 311 c.
34. Sokolova A.A. Landshaft v sisteme tradicionnyh prostranstvennyh predstavlenij: geograficheskaya interpretaciya dialektnyh obrazov. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2007. – 392 s.
35. Stepun F.A. K fenomenologii landshafta // Trudy i dni. – M.: Musaget, 1912. – N 2, mart – aprel'. – S. 52–56.
36. Streleckij V.N. Geograficheskoe prostranstvo i kul'tura: mirovozzrencheskie ustanovki i issledovatel'skie paradigmy v kul'turnoj geografii // Izvestiya RAN. Ser. geogr. – M., 2002. – N 4. – S. 18–28.
37. Streleckij V.N. Kul'turno-landshaftnye issledovaniya v Germanii: tradicii i sovremennost' // Kul'turnyj landshaft: teoreticheskie i regional'nye issledovaniya / Otv. red. V.N. Kaluckov, T.M. Krasovskaya. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. – S. 42–54.
38. Streleckij V.N. Kul'turnaya geografiya v Rossii: osobennosti formirovaniya i puti razvitiya // Izvestiya RAN. Ser. geogr. – M., 2008. – N 5. – S. 21–33.
39. Streleckij V.N. Ot antropogeografii k kul'turnoj geografii: preemstvennost' v razvitii i novye issledovatel'skie napravleniya // Kul'turnye landshafty Rossii i ustojchivoe razvitie / otv. red. T.M. Krasovskaya. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. – S. 23–29.
40. Turovskij R.F. Kul'turnye landshafty Rossii. – M.: In-t Naslediya, 1998. – 210 s.
41. Tyutyunnik Yu.G. O proiskhozhdenii i pervonachal'nom znachenii slova «landshaft» // Izvestiya RAN. Ser. geogr. – M., 2004. – N 4. – S. 116–122.

42. Bobek H. Die Stellung und Bedeutung der Sozialgeographie // *Erdkunde*. – 1948. – Bd. 2. – S. 118–125.
43. Bobek H. *Schmithüsen J.* Der Landschaftsbegriff im logischen System der Geographie // *Erdkunde*. – 1949. – Bd. 3. – S. 112–120.
44. Claval P. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. – Paris: Armand Collins, 2003. – 288 p.
45. Cosgrove D.E. Social formation and symbolic landscape. – Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1998. – 332 p. – [Cosgrove, 1984 – 1st Ed.].
46. Daniels S. Fields of vision: landscape imagery and national identity in England and United States. – Cambridge: Polity Press, 1993. – 260 p.
47. Egli E. Mensch und Landschaft. Kulturgeographische Aufsätze und Reden. – Zürich; München: Artemis Verlag, 1975. – 376 S.
48. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of «Herodote» // Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / ed. by C. Gordon, 1972–1977. – Brighton: Harvester, 1980. – P. 63–77.
49. Hartke W. Die «Sozialbrache» als Phänomen der geographischen Differenzierung der Landschaft // *Erdkunde*. – 1956. – Jg. 10, Heft 4. – S. 257–269.
50. Hartke W. Gedanken über die Bestimmung von Räumen gleichen sozial-geographischen Verhaltens // *Erdkunde*. – 1959. – Jg. 13, Heft 4. – S. 426–436.
51. Hartshorne R. The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past // *Annals of Association of American Geographers*. – Vol. 29. – 1939. – P. 171–645.
52. Humboldt A. von. Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen. Bd 1: Über die Steppen und Wüsten. Ideen zu einer Physiognomik der Gewächse. Über Wasserfälle des Orinoco, bei Atures und Maypures. – Tübingen: J.G. Cotta, 1808.
53. Jackson J.B. Discovering the vernacular landscape. – New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1984. – 165 p.
54. Jordan T., Rowntree L. The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography. – 3rd ed. – Cambridge: Harper & Row, 1982. – 444 p.
55. Kant I. Immanuel Kant's physische Geographie / Herausg. von F.T. Rink. – Königsberg: Göbbels und Unzer, 1802. – Bd. 1–2.
56. Lefebvre H. La production de l'espace. – Paris: Anthropos, 1974. – 512 p.
57. Leng G. Zur "Münchener" Konzeption der Sozialgeographie // *Geographische – Zeitschrift*. – 1973. – Jg. 61, Heft 3. – S. 121–134.
58. Lowenthal D. English Landscape // *Man, Space and Environment*. – N.Y.: Oxford University Press, 1972. – P. 81–112.
59. Lowenthal D. Past Time, Present Place: Landscape and Memory // *Geographical Review*. – 1975. – Vol. 65, N 1. – P. 1–36.
60. Mitchell D. Cultural landscapes: The dialectical landscape: Recent landscape research in human geography // *Progress in human geography*. – 2002. – Vol. 26. – P. 381–389.
61. Pitte J.-R. Histoire du paysage français. – Paris: Editions Tallandier, 1994. – Tome 1: Le sacré: de la préhistoire au XVe siècle. – 216 p.; Tome 2: Le profane: du XVIe siècle à nos jours. – 189 p. – [Pitte, 1983].

62. *Ratzel F.* Anthropogeographie. – Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. – Bd. 1: Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. – 604 S.; Bd. 2: Die geographische Verbreitung des Menschen. – Stuttgart: J. Engelhorn, 1891. – 781 S.
63. *Relph E.* Rational Landscape and Humanistic Geography. – L.: Groom Helm, 1981. – 231 p.
64. *Ruppert K.* Die Sozialbrache in Westdeutschland // Agrarwirtschaft. – 1959. – Vol. 8, № 3. – S. 69–77.
65. *Ruppert K., Schaffer F.* Zur Konzeption der Sozialgeographie // Geographische Rundschau. – 1969. – Jg. 21, Heft 6. – S. 205–214.
66. *Salter C.L.* The Cultural Landscape. – Belmont, Ca: Duxbury, 1971.
67. *Sauer K.* Morphology of Landscape // Publications in Geography. – University of California, 1925. – Vol. 2, N 2. – P. 19–53.
68. *Schlüter O.* Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger. – 1920. – Bd. 21. – S. 145–152, 213–218.
69. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. – Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. – 260 p.
70. *Vidal de la Blache P.* Principes de géographie humaine. – P.: Armand Colin, 1922. – 327 p.
71. *Wirth E.* Zum Problem einer allgemeinen Kulturgeographie // Die Erde. – Bd. 100. – 1969. – S. 156–193.
72. *Wöhlke W.* Die Kulturlandschaft als Funktion von Veränderlichen: Überlegungen zur dynamischen Betrachtung in der Kulturgeographie // Geographische Rundschau. – 1969. – Jg. 21, Heft 8. – S. 298–308.
73. *Zelinsky W.* North America's Vernacular Landscape // Annals of the Association of American Geographers. – 1980. – Vol. 70, N 1. – P. 1–16.